УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/58/10

К.А. Родин

ТРЕУГОЛЬНИК ЖЕЛАНИЯ РЕНЕ ЖИРАРА И СОЗНАНИЕ ПОДПОЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА В «ЗАПИСКАХ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО¹

В контексте многочисленных литературно-критических работ Рене Жирара рассматривается прочтение некоторых текстов Ф.М. Достоевского через «треугольник» желания и обращается особое внимание на «Записки из подполья». Согласно нашей гипотезе текст «Записок...» (и особенно первая часть) не может быть до конца и правильно понят через концепцию Рене Жирара. Мы предлагаем (в порядке доказательства высказанной гипотезы) собственное прочтение «Записок» через использование различных способов «описания» – при помощи схем нарратологии и феноменологического подхода (в рамках гегелевой проблемы несчастного сознания).

Ключевые слова: Достоевский, Рене Жирар, треугольник желания, подпольный человек, несчастное сознание, диегетический нарратор, экзистенциализм.

Ф.М. Достоевский среди других писателей и философов занимает важное место в построениях и литературной критике Р. Жирара. Однако прочтение (интерпретация) Жираром избранных философов отличается от прочтения произведений литературы. Философы подвергаются безоговорочной критике и якобы не дотягивают до точности теоретической мысли создателя фундаментальной антропологии. И напротив, за произведениями литературы (и снова избранными) усматриваются верные прозрения в существо формул фундаментальной антропологии. На поле теоретических изысканий писатели и не могут составить конкуренции. Достоевский действительно неплохо и отчасти верно может быть прочитан через Жирара и в таком прочтении не становится только материалом для верификации посторонних теорий. Жирар предан Достоевскому и отчасти зависит от Достоевского. Но Достоевский неизбежно шире любого теоретического прочтения. В статье на примере проблемы подпольного человека мы формулируем существенную и необходимую (неизбежную) для фундаментальной антропологии интерпретационную ошибку Жирара.

Мы ограничим рассмотрение фундаментальной антропологии «треугольником» желания и феноменологией соперничества внутри «треугольного» желания. При прочтении литературных текстов (Достоевский не исключение) Р. Жирар преимущественно опирается именно на теоретическую конструкцию треугольного желания.

Камнем преткновения для Жирара послужили «Записки из подполья». «Достоевскому не удалось перевести подпольную психологию в строгие понятия» [1. С. 63] (далее ссылки на указанный источник приводятся в круглых скобках с указанием страницы). И неизбежно здесь подразумевается первенство и бóльшая значимость для анализа сознания подпольного человека ин-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-90001).

терпретаций в рамках фундаментальной антропологии. Но не текст Достоевского. И симптоматичным выступает предпочтение Жираром второй части «Записок». Собственно критика первой части во многом справедливая. Но в статье мы иначе подойдем к критике первой части «Записок» (не отказывая в справедливости критике Жирара) и покажем ключевую роль предпочтения Жираром второй части «Записок из подполья» в построении всего прочтения творчества Достоевского. Первая часть «Записок» очень сильно сопротивляется встраиванию в предложенное Жираром прочтение Достоевского.

Вначале статьи мы излагаем основные структурные элементы и феноменологию треугольного желания на примерах сочинений и биографии Достоевского (излагаем прочтение Жирара). Во второй части предлагаем собственное (неизбежно ограниченное) критическое прочтение «Записок из подполья». И в заключении разбираем заинтересованное (ошибочное) прочтение «Записок» Жираром.

По Жирару желание всегда и неизбежно делится на троих и опосредованно третьим лицом. В различных ситуациях третье лицо выступает как препятствие (соперник) или как образец для подражания. И одновременно (и неизбежно через различные формы соперничества) выступает как препятствие (в частном случае – как причина ревности) и как образец для подражания. Неустранимость третьего лица влечет невозможность существования (и разделения) желания на двоих. Неустранимость соперничества внутри треугольного желания влечет неизбежность соперничества в различных (иногда в виде ложного благородства) формах и невозможность мира и желания на троих. Треугольное желание всегда амбивалентно и противоречиво.

В произведениях Достоевского Жирар видит работу треугольного желания:

«В „Слабом сердце“ мы опять оказываемся в мире мелких чиновников <...>

У героя... очаровательная невеста, преданный друг, благосклонные начальники. Однако он... оказывается парализован возможностью поражения и... постепенно погружается в безумие. ...герой повести... представляет невесту... другу...»

(с. 46).

И... друг объявляет собственную влюбленность в невесту друга. Главный герой уступает и просит разрешения остаться преданным другом новой пары влюбленных. Соперничество оборачивается и манифестируется в мазохистской форме благородства и общего блага.

Похожая ситуация прослеживается в отношениях Достоевского и Марии Дмитриевны (первая жена Достоевского) через опосредование Вергунова (соперника). Вергунов беден. Замужество Марии Дмитриевны за Вергуновым приведет к нищете и несчастной жизни в провинции (Достоевскому представляется такое развитие событий). Но Достоевский не хочет вынуждать гордую Марию Дмитриевну защищать Вергунова. Достоевский:

«...доводя до предела логику... рассуждения... перенимает поведение... собственных героев. ...становится адвокатом и защитником... соперника перед молодой женщиной... обещает похлопотать за него и просит о нем у Врангеля...

<...>

...в Кузнецке они предаются настоящему рыцарскому состязанию в благородстве.

<...>

Достоевский опьянен романтической риторикой.

<...>

Наличие соперника, страх поражения, препятствие оказывали на Достоевского, как и на его героев, влияние одновременно парализующее и возбуждающее»

(с. 49–50).

И дальше Жирар снова возвращается к анализу литературных произведений:

«Все персонажи «Униженных и оскорбленных» получают болезненное, но сильное удовольствие от зрелища любовного несчастья, в котором они активно принимают участие.

<...>

Мечта о жизни вдвоем превращается в общий кошмар.

<...>

...любовные отношения возникают лишь благодаря препятствию, которым является третье лицо, и существуют только за счет этого третьего лица».

Такое

«...поведение... сентиментальная риторика освещает ложным светом нравственных усилий и самопожертвования»

(с. 53–54).

Среди различных и бесконечно разнообразных вариантов соперничества герои ранних произведений Достоевского невольно выбирают бессилие и мазохистское (окрашенное романтической или сентиментальной риторикой) благородство. Однако Жирар не разбирает и не объясняет жизнь Достоевского через сюжетную линию персонажей литературных произведений (и наоборот). Достоевский «одного за другим изгоняет своих демонов» посредством исчерпания ситуации изнутри литературы (стр. 43). В изгнании демонов соперничества и в разоблачении механизма треугольного желания Жирар и усматривает задачу и подвиг писателя. Показательное исключение – лишь первая часть «Записок из подполья».

Далее приведем собственный критический анализ первой части «Записок из подполья» и после вернемся к Жирару.

Главные герои произведений Достоевского часто выступают в качестве диегетических нарраторов (см. подробнее: [2]) и ведут непосредственный

рассказ (который всегда оборачивается «закавыченным» и опосредованным) путем многочисленных и неизбежно путанных отступлений изнутри постоянного возвращения к сознанию (инертному или обостренному) собственного исключительного (равно ничтожного) места внутри рассказываемых историй и продумываемых обстоятельств. Поэтому заинтересованный читатель Достоевского незаметно усваивает определенный тип отстранения и слова с оглядкой (см. подробнее: [3]) и начинает миром Достоевского измерять мир и других людей. Непрекращающийся мерцающий переход между диегетическим и недиегетическим нарратором (между диегезисом и экзегезисом) и особенно между субъектом и объектом повествования для диегетического нарратора разворачивает крайне обширное и, по существу, бездвижное пространство героев Достоевского (образ стены от подпольного человека). Мы подробно проследим ситуацию на примере фигуры подпольного человека (см.: [4]).

Итак, рассказ ведет отставной чиновник сорока лет. Из собственной ситуации подполья он пытается изложить правду подпольного человека (и всегда замечает здесь противоречие). Отсутствие и не-знание другой неподпольной жизни постоянно бросает и возвращает рассказчика в подполье в круги собственного ада (рассказчик знает свою неспособность знать правду и рассказать правду подполья и ведет рассказ о неспособности рассказать правду в надежде на полное исчерпывающее описание собственной ситуации). В узнавании правды подпольного человека правда перманентно обесценивается. И остаются только чрезмерная (сознаваемая рассказчиком) навязчивость и нелепость повествования и привязанность рассказчика к якобы узнанной правде. Рассказчик не просит помощи, и знает, и сердцем крепко привязан к невозможности помощи и просьбы. Он сам – и только.

«Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. ...я ни шиша не смыслю в моей болезни...

<...>

...я не хочу лечиться со злости...

<...>

я не только не злой... даже и не озлобленный человек...

<...>

...я наврал... что я был злой... Со злости наврал. Я просто баловством занимался... в сущности никогда не мог сделаться злым...

<...>

...но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым...

<...>

...о чем может говорить порядочный человек с наибольшим удовольствием...

...о себе.

...я буду говорить о себе.»

Рассказчик сознает и (поэтому) не может остановить злобу оглядкой и никаким (ложным) знанием устройства собственной подпольной злобы. И одновременно рассказчик не способен вынести и знать абсолютное зло и не

может поверить в правду подпольного мелкого зла. Несуществование зла рассказчику неизвестно.

«...слишком сознавать – это болезнь... полная болезнь.»

Рассказчик продолжает сознавать и рассказывать собственную историю, и путается через слово, и не замечает (замечает с запаздыванием). Рассказчик отождествляет сознание, злость и болезнь. Однако не в единый момент.

Со злости рассказчик отождествляет сознание и болезнь.

Ради болезни отождествляет сознание и злость.

Изнутри сознания отождествляет злость и болезнь. И путается в сознании собственной запутанности. Признание неспособности вынести и знать абсолютное зло не освобождает от ошибки откровенного признания в сознании абсолютной болезни (диегетический нарратор непригоден для повествования абсолютного зла каторги; см.: [5]). Изнутри тюрьмы повествования рассказчик постоянно утверждает только собственное исключительное право и собственный ум (и подчеркивает собственный ум и ничтожность собственного ума).

Экзистенциализм Достоевского со стороны часто и есть такой усвояемый и передаваемый рассказ в литературных или же философских формах. Изнутри собственного несчастья (обида и злоба) человек хочет искать выход только из собственного несчастья и не хочет разбирать несчастье другого. Или, наоборот, из собственной зависти к чужому сознанию втайне хочет бесконечно и без результатов (кроме ничтожных результатов подражания) разбирать чужое несчастье (обиду и злобу). Экзистенциализм по определению – это экзистенциализм другого (который ад, т.е. чужой, чуждый, посторонний, и поэтому экзистенциализм равно захватывающий и интересный и ничтожный и глупый).

Из несостоятельности и полного знания несостоятельности говоримого рассказчик (изнутри собственного несчастного сознания) продолжает и продолжает говорить... о тайном наслаждении от зубной боли... о европейской цивилизации и недостаточности или бесполезности различных нравственных учений... о вредности и оборотной стороне морализаторства и пр. Слово с оглядкой разворачивает для любого случайного объекта сознания многослойную рефлексию без конца и результата. Достоевский дает слово выдуманному рассказчику и принимает за собственную жизненную задачу необходимость (кроме меркантильных интересов) подобного письма. Ф. Достоевский располагает бесконечным набором литературных возможностей посмеяться или посочувствовать персонажам (выразить авторское отношение к герою) и вполне успешно может заставить и читателя обмануться и по инерции литературного текста посочувствовать персонажу недостойному и смешному или, наоборот, возненавидеть и испытать раздражение по отношению к персонажу доброму и смиренному (в последнем случае очень часто – ненамеренно).

Невозможно из несчастного и страдающего сознания (см. подробнее: [6]) высказать никакую объективную правду о несчастье и страдании. В несчастном сознании нет знания несчастного сознания. Но только упоение или экзи-

стенциальное рефлексивное исследование несчастного сознания. Безрезультатное.

Каждое говоримое рассказчиком слово осуждает рассказчика. И рассказчик прекрасно сознает непрекращающееся осуждение и только повторяет – и только из создаваемого страха и трусости и подполья наслаждается собственной невозможностью остановиться и (ложной надеждой) договорить до конца. Рассказчик из невероятных построений и уверений в невозможности свести порочное подпольное желание исповедания (письма и сознания) и страдания в исповеди (которое одновременно и наслаждение) к безвольным и без страдания за-человеческим законам природы в открытую и честно принимает и навязывает собственную создаваемую ложь как единственную правду. И считает нужным (и одновременно ненужным) подкрепить собственные противоречивые теории выдуманной повестью. Во второй части записок из подполья выписывается ряд историй. Рассказчик становится наконец действующим лицом. Однако действия рассказчика ничем не отличаются от тупиков собственного сознания.

Проблема сознания подпольного человека – вариант проблемы несчастного сознания в философии Гегеля. Никакая истина изнутри тюрьмы несчастного сознания (изнутри тюрьмы подпольного человека) не может быть истиной.

Жирар пишет:

«Достоевскому не удалось перевести подпольную психологию в строгие понятия... Он... видел, что подпольный герой всегда выбирает что-то другое, нежели... собственный „правильно понятый“ интерес, но... дал ускользнуть... главному. Морали „правильно понятого“ интереса он не противопоставил ничего, кроме пустой и абстрактной свободы, своего рода „права на каприз“, что в действительности ничего не опровергает. ...первая часть произведения... значительно уступает последующей. Но... именно на этой части почти всегда основываются исследователи, когда стремятся определить антидетерминизм и антипсихологизм Достоевского...

Текст всего лишь отвергает, во имя туманного иррационализма... все позитивные элементы... текст действует в направлении новых разделений и новых рассеиваний... противоречит той части, которая представляет собой художественное повествование... текст постоянно цитируется... представителями индивидуализма анархического толка...»

(с. 63).

Из нашего анализа первой части «Записок» комментарий Жирара выглядит несправедливым. Текст первой части «Записок» достаточно «подрывной». Высказываемая правда всегда осознается рассказчиком как недостаточная полуправда или вовсе ничего. Позитивные или критические соображения... о тайном наслаждении от зубной боли... об европейской цивилизации и недостаточности или бесполезности различных нравственных учений... о вредности и оборотной стороне морализаторства... и правда иррационализма и прочие закавычены формой изложения и непосредственно выступают тупиками несчастного подпольного сознания. Подпольный человек не может сказать ничего.

Мы не обязательно должны вменять в вину Достоевскому или даже непосредственно тексту «Записок» различные прочтения со стороны «индивидуализма анархического толка». Позитивные и критические (анархические и индивидуалистические) прочтения равно отвергаются самопротиворечивой формой повествования (единственно доступной несчастному сознанию подпольного человека). Достоевский до конца выписал форму повествования и довел абсурдность происходящего до полного «исчерпания». Позиция Жирара по отношению к другим произведениям Достоевского (кроме первой части «Записок») была другой: Достоевский «одного за другим изгоняет своих демонов» посредством исчерпания ситуации изнутри литературы. Однако ситуация не изменилась и в первой части «Записок». Только вместо демонов соперничества и треугольного желания изгоняются демоны рефлексивного *тупиковского* сознания (которое вместо изгнания (демоны рефлексии)) одноименных демонов соперничества и треугольного желания. Ф.М. Достоевский недвусмысленно говорит: подпольного сознания недостаточно для преодоления соперничества. Недостаточно и рассказываемых повествователем историй из собственной жизни (вторая часть «Записок»). Поэтому, наоборот, вторая часть «Записок» и фактически и по замыслу Достоевского выступает лишь частным примером первой части.

Истории из второй части «Записок из подполья» действительно хорошо описываются изнутри теории треугольного желания. История первая. Соперничество (до пристрастия и странной привязчивой влюбленности в объект соперничества) с офицером из-за выдуманной и взращиваемой обиды и одновременно невозможность из выдуманной собственной трусости отомстить обидчику. Офицер (обидчик) и рассказчик и общество (игра признания и непризнания со стороны других) – вот стороны треугольника (см. подробнее разбор Жирара: [1. С. 61 и далее]. Поэтому Жирару и интересна вторая часть – из-за возможности проверить собственные теории. Первая же часть призвана показать неспособность сознания подпольного человека (несмотря на очевидность для подпольного человека многочисленных и описываемых через треугольное желание ситуаций) никаким знанием и сознанием преодолеть собственную тюрьму. Треугольное желание и соперничество выступают *значимым* метаописанием исключительно для второй части «Записок» (которой поэтому и отдает предпочтение Жирар) и неизбежно уступают и легко могут быть описаны (сконструированы) как правда (полуправда) подпольным сознанием рассказчика первой части «Записок из подполья». Предположим невероятное: подпольный человек не способен перевести собственную психологию в строгие понятия (предположение очевидно противоречит рефлексивной природе сознания подпольного человека). Тогда строгие понятия могли бы стать верным и освобождающим метаописанием для ситуации подпольного человека. Но Достоевский справедливо не мог принять такое допущение.

Литература

1. Жирар Р. Достоевский. От двойника к единству // Критика из подполья. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 41–133.
2. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003.
3. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Собр. соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 2000. Т. 2. С. 5–175.

4. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 5: Повести и рассказы. Л. : Наука, 1972. С. 99–178.

5. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома // Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 4: Записки из Мертвого дома Л. : Наука, 1972.

6. Жан В. Несчастное сознание в философии Гегеля. СПб. : Владимир Даль, 2006.

Kirill A. Rodin, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: rodin.kir@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 58. pp. 97–104.

DOI: 10.17223/1998863X/58/10

RENÉ GIRARD'S TRIANGLE OF DESIRE AND THE CONSCIOUSNESS OF THE UNDERGROUND MAN IN FYODOR DOSTOEVSKY'S *NOTES FROM UNDERGROUND*

Keywords: Dostoevsky; René Girard; triangle of desire; underground man; unhappy consciousness; diegetic narrator; existentialism.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-011-90001.

In the article, in the context of numerous literary-critical works by René Girard, the author considers Girard's reading of some texts by Fyodor Dostoevsky through the "triangle" of desire and pays special attention to *Notes from Underground*. According to the author's hypothesis, the text of *Notes* (especially the first part) cannot be fully and correctly understood through Girard's concept. And the obvious impossibility to include the text of *Notes* in the series of texts that verify the concept of the triangle of desire entails the lack of explanatory power of Girard's theory in relation to (some) Dostoevsky's works. To prove the stated hypothesis, the author offers his own reading of *Notes* through the use of various ways of "description": the schemas of narratology and the phenomenological approach (within the Hegelian problem of unhappy consciousness). In the first part of the article, the author sets out the main structural elements and the phenomenology of the triangular desire using examples of Dostoevsky's works and biography (presenting Girard's reading). In the second part, the author offers his own (inevitably limited) critical reading of *Notes from Underground*. In conclusion, the author analyzes the interested (erroneous) reading of *Notes* by René Girard.

References

1. Girard, R. (2012) *Kritika iz podpol'ya* [Criticism from the underground]. Translated from French. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 41–133.

2. Schmid, W. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Translated from German. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

3. Bakhtin, M.M. (2000) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkie slovari. pp. 5–175.

4. Dostoevsky, F.M. (1972a) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols]. Vol. 5. Leningrad: Nauka. pp. 99–178.

5. Dostoevsky, F.M. (1972b) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.

6. Jean V. (2006) *Neschastnoe soznanie v filosofii Gegelya* [The Unhappy Consciousness in Hegel's Philosophy]. Translated from French by V.Yu. Bystrov. St. Petersburg: Vladimir Dal'.